

БОРИС ПАСТЕРНАК

1905

ГОД

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

БОРИС ПАСТЕРНАК

ДЕВЯТЬСОТ
ПЯТЫЙ
ГОД

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1927 ЛЕНИНГРАД

*Отпечатано в типографии Госиздата
„Красный Пролетарий“. Москва,
Пименовская улица, д. 16.
Гиз 20259. Главлит 90732.
Тираж 3.000.*

В нашу прозу с ее безобразьем
С октября забредает зима.
Небеса опускаются наземь,
Точно занавеса бахрома.

Еще спутан и свеж первопуток,
Еще чуток и жуток, как весть.
В неземной новизне этих суток,
Революция, вся ты, как есть.

Жанна д'Арк из сибирских колодниц,
Каторжанка в вождях, ты из тех,
Что бросались в житейский колодец,
Не успев соразмерить разбег.

Ты из сумерек, социалистка,
Секла свет, как из груди: огнив.
Ты рыдала, лицом василиска
Озарив нас и оледенив.

Отвлеченная грохотом стрельбищ,
Оживающих там, вдалеке,
Ты огни в отчужденьи колеблешь,
Точно улицу вертишь в руке.

И в блуждании хлопьев кутежных
Тот же гордый, уклончивый жест:
Как собой недовольный художник,
Отстраняешься ты от торжеств.

Как поэт, отпылав и отдумав,
Ты рассеянья ищешь в ходьбе.
Ты бежишь не одних толстосумов:
Все ничтожное мерзко тебе.

*ДЕВЯТЬСОТ
ПЯТЫЙ ГОД*

О Т Ц Ы

Это было при нас.
Это с нами вошло в поговорку,
И уйдет,
И, однако,
За быстрою сменой лет,
Стерся след,
Словно год
Стал нулем меж девятки с пятеркой,
Стерся след,
Были нет,
От нее не осталось примет.

Еще ночь под ружьем,
И заря не взялась за винтовку.
И, однако,
Вглядимся:
На деле гораздо светлей.
Этот мрак под ружьем
Погружен

В полусон
Забастовкой.
Эта ночь —
Наше детство
И молодость учителей.
Ей предшествует вечер
Крушений,
Кружков и героев,
Динамитчиков,
Дагерротипов,
Горенья души.
Ездят тройки по трактам,
Но фабрик по трактам настроив,
Подымаются Саввы
И зреют Викулы в глуши.
Барабанную дробь
Заглушают сигналы чугунки.
Гром позорных телег—
Громыхание первых платформ.
Крепостная Россия
Выходит
С короткой приструнки
На пустырь
И зовется
Россиєю после реформ.
Это — народовольцы,
Перовская,

Первое марта,
Нигилисты в поддевах,
Застенки,
Студенты в пенснэ.
Повесть наших отцов,
Точно повесть
Из века Стюартов,
Отдаленней, чем Пушкин,
И видится,
Точно во сне.

Да и ближе нельзя:
Двадцатипятилетье — в подпольи.
Клад — в земле.
На земле —
Обездушенный калейдоскоп.
Чтобы клад откопать,
Мы глаза
Напрягаем до боли.
Покорясь его воле,
Спускаемся сами в подкоп.

Тут бывал Достоевский.
Затворницы ж эти,
Не чаяв,
Что у них,
Что ни обыск,
То вывоз реликвий в музей,
Шли на казнь

И на то,
Чтоб красу их подпольщик Нечаев
Скрыл в земле,
Утаил
От времен и врагов и друзей.

Это было вчера.
И родись мы лет на тридцать раньше,
Подойди со двора,
В керосиновой мгле фонарей,
Средь мерцанья реторт
Мы нашли бы,
Что те лаборантши —
Наши матери
Или
Приятельницы матерей.

Моросит на дворе.
Во дворце улеглась суматоха.
Тухнут плошки.
Теплынь.
Город вымер и словно оглох.
Облетевшим листом
И кладбищенским чертополохом
Дышит ночь.
Ни души.
Дремлет площадь
И сон ее плох.

Но положенным слогом
Писались и нынче доклады,
И в неведеньи бед
За Невою пролетка гремит.
А сентябрьская ночь
Задыхается
Тайною клада,
И Степану Халтурину
Спать не дает динамит.

Эта ночь простоит
В забытьи
До времен Порт-Артура.
Телеграфным столбам
Будет дан в вожаки эшафот.
Шопот жертв и депеш,
Участясь,
Усыпит агентуру,
И тогда-то придет
Та зима,
Когда все оживет.

Мы родимся на свет.
Как-нибудь
Предвечернее солнце
Подзовет нас к окну.
Мы одухотворим наугад
Непривычный закат,
И при зрелище труб

Потрясемся,
Как потрясса,
Кто б мог
Оглянуться лет на сто назад.

Точно Лаокоон
Будет дым
На трескучем морозе,
Оголясь,
Как атлет,
Обнимать и валить облака.
Ускользящий день
Будет плыть
На железных полозьях
Телеграфных сетей,
Открывающихся с чердака.

А немного спустя,
И светя, точно блудному сыну,
Чтобы шею себе
Этот день не сломал на шоссе,
Выйдут с лампами в ночь
И с небес
Будут бить ему в спину
Фонари корпусов
Сквозь туман,
Полоса к полосе.

ДЕТСТВО

Мне четырнадцать лет.
Вхутемас
Еще — школа ваянья.
В том крыле, где Рабфак,
Наверху,
Мастерская отца.
В расстояньи версты,
Где столетняя пыль на Диане,
И холсты,
Наша дверь.
Пол из плит
И на плитах грязца.

Это — дебри зимы.
С декабря воцаряются лампы.
Порт-Артур уже сдан,
Но идут в океан крейсера,
Шлют войска,

Ждут эскадр,
И на старое здание почтамта
Смотрят сумерки,
Краски,
Палитры
И профессора.

Сколько типов и лиц!
Вот душевно больной.
Вот тупица.
В этом теплится что-то.
А вот совершенный щенок.
В классах яблоку негде упасть
И жара, как в теплице.
Звон у Флора и Лавра
Сливается
С шарканьем ног.

Как-то раз,
Когда шум за стеной,
Как прибой, неослабен,
Омут комнат недвижим
И улица газом жива,
Раздается звонок,
Голоса приближаются: —
Скрябин.
О, куда мне бежать
От шагов моего божества!

Близость праздничных дней.
Четвертные.
Конец полугодья.
Искрясь струнным нутром,
Дни и ночи
Открыт инструмент.
Сочиняй хоть с утра.
Дни идут.
Рождество на исходе.
Сколько отдано елкам!
И хоть бы вот столько взамен.

Петербургская ночь.
Воздух пучится черною льдиной
От иглистых шагов.
Никому не чинится препон.
Кто в пальто, кто в тулупе.
Луна холодеет полтиной.
Это в Нарвском Отделе.
Толпа раздается:
Гапон.

В зале гул.
Духота.
Тысяч пять сосчитали деревья.
Сеясь с улицы в сени,
По лестнице лепится снег.
Здесь родильный приют,

И в некрашеном сводчатом чреве
Бьется об стены комнат,
Комком неприкрашенным,
Век.

Пресловутый рассвет.
Облака в куманике и клюкве.
Слышен скрип галлерей
И клубится дыханье помой.
Выбегают, идут
С галлерей к воротам,
Под хоругви,
От ворот на мороз,
На простор,
Подожженный зимой.

Восемь громких валов
И девятый,
Как даль, величавый.
Шапки смыты с голов.
Спаси, господи, люди твоя.
Слева — мост и канава,
Направо — погост и застава,
Сзади — лес,
Впереди —
Передаточная колея.

На Каменноостровском.
Панели стоят на ходулях.

Смотрят с тумб и киосков.
За шествием плещется хвост
Разорвавших затвор
Перекрестков
И льющихся улиц.
Демонстранты у парка.
Выходят на Троицкий мост.

Восемь залпов с Невы
И девятый,
Усталый, как слава.
Это —
Слева и справа
Несутся уже на рысях.
Это —
Дали орут:
Мы сочтемся еще за расправу.
Это рвутся
Суставы
Династии данных
Присяг.

Тротуары в бегущих.
Смеркается.
Дню не подняться.
Перекату пальбы
Отвечают
Пальбой с баррикад.

Мне четырнадцать лет.
Через месяц мне будет пятнадцать.
Эти дни, как дневник.
В них читаешь,
Открыв наугад.

Мы играем в снежки.
Мы их мнем из валящихся с неба
Единиц
И снежинок
И толков, присущих порою.
Этот оползень царств,
Это пьяное падение снега: —
Гимназический двор
На углу Поварской
В январе.

Что ни день, то метель.
Те, что в партии
Смотрят орлами.
Это в старших.
А мы:
Безнаказанно греку дерзим,
Ставим парты к стене,
На уроках играем в парламент,
И витаем в мечтах
В нелегальном районе Грузин.

Снег идет со вчера.
Он идет еще под вечер.
За ночь
Проясняется,
Утром
Громовый раскат из Кремля:
Попечитель училища...
На смерть...
Сергей Александрыч...
Я грозу любил
В эти первые дни февраля.

МУЖИКИ И ФАБРИЧНЫЕ

Еще в марте
Буря
Засыпает все краски на карте.
Нахлобучив башлык,
Отсыпается край,
Как сурок.
Снег лежит на ветвях,
В проводах,
В разветвлениях партий,
На кокардах драгун
И на шпалах железных дорог.

Но не радуется даль.
Как раздолье собой ни любуйся, —
Верст на тысячу в ширь
В небеса,
Как сивушный отстой,
Ударяет нужда
Перегарами спертого буйства,

Ошибает
На стуже
Стоградусною нищетой.

И уж вот
У господ
Расшибают пожарные снасти,
И громадами зарев
Командует море бород,
И уродует страсть,
И орудуют конные части,
И бушует:
Вставай,
Подымайся,
Рабочий народ!

И бегут, и бегут,
На санях,
Через глушь перелесиц,
В чем легли,
В чем из спален
Спасались,
Спаленные в пух.
И весь путь
В сосняке
Ворожит замороженный месяц,
И торчит копылом
И кривляется
Красный петух.

Нагибаясь к саням,
Ели дышат,
Дымятся и ропщут.
Вон огни.
Там уезд.
Вон исправника дружеский кров.
Еще есть поезда.
Еще толки одни о всеобщей:
Забастовка лишь шастает
По мостовым городов.

Лето.
Май или июнь.
Паровозный Везувий под Лодзью.
В воздух вогнаны гвозди.
Отеки путей запеклись.
В стороне от узла
Замирает
Грохочущий отзыв:
Это сыплются стекла
И струпя
Расстрелянных гильз.

Началось, как всегда.
Столкновение с войсками
В предместьи
Послужило толчком.
Были жертвы с обеих сторон.

Но рабочих зажгло
И исполнило жаждою мести
Избиенье толпы,
Повторенное в день похорон.
И тогда-то
Загрохали ставни,
И город,
Артачась,
Оголенный,
Без качеств,
И каменный, как никогда,
Стал собой без стыда.
Так у статуй,
Утративших зрячесть,
Пробуждается статность.
Он стал изваяньем труда.
Днем закрылись конторы.
С пяти прекратилось движенье.
По безжизненной Лодзи
Бензином
Растекся закат.
Озлобленье рабочих
Избрало разъезды мишенью.
Обезлюдивший город
Опутала сеть баррикад.
В ночь стянули войска.
Давши залп с мостовой,

Из-за надолб,
С баррикады скрывались
И, сдав ее, жарили с крыш.
С каждым кругом колес артиллерии
Кто-нибудь падал
Из прислуги,
И с каждой
Пристяжкой
Падал престиж.

МОРСКОЙ МЯТЕЖ

Придается все.
Лишь тебе не дано примелькаться.
Дни проходят
И годы проходят
И тысячи, тысячи лет.
В белой рьяности волн,
Прячась
В белую пряность акаций,
Может ты-то их,
Море,
И сводишь и сводишь на-нет.

Ты на куче сетей.
Ты курлычешь,
Как ключ, балагурия.
И, как прядь за ушком,
Чуть щекочет струя за кормой.
Ты в гостях у детей.
Но какую неслыханной бурей

Отзываешься ты,
Когда даль тебя кличет домой!

Допотопный простор
Свирепеет от пены и сипнет.
Расторопный прибой
Сатанеет
От прорвы работ.
Все расходится врозь
И посвоему воеет и гибнет,
И, свинья от тины,
По сваям посвоему бьет.

Пресноту парусов
Оттесняет назад
Одинакость
Помешавшихся красок,
И близится ливня стена.
И все ниже спускается небо
И падает накось,
И летит кувырком
И касается чайками дна.

Гальванической мглой
Взбаламученных туч
Неуклюже,
Вперевалку, ползком,
Пробираются в гавань суда.
Синеногие молнии

Лягушками прыгают в лужу.
Голенастые снасти
Швыряет
Туда и сюда.

Все сбиралось всхрапнуть,
И карабкались крабы,
И к центру
Тяжелевшего солнца
Клонились головки репья.
И мурлыкало море,
В версте с половиной от Тендра,
Серый кряж броненосца
Оранжевым крапом
Рябя.

Солнце село.
И вдруг
Электричеством вспыхнул „Потемкин“.
Из камбуза на спардек
Нахлынуло полчище мух.
Мясо было с душком...
И на море упали потемки.
Свет брюзжал до зари,
И забрезжившим утром потух.

Глыбы
Утренней зыби
Скользнули,

Как ртутные бритвы,
По подножью громады,
И, глядя на них с высоты,
Стал дышать броненосец
И ожил.
Пропели молитву.
Стали скатывать палубу.
Вынесли в море щиты.

За обедом к котлу не садились,
И кушали молча
Хлеб да воду,
Как вдруг раздалось:
— Все на ют!
По местам!
На две вахты!
И в кителе некто,
Чернея от желчи,
Гаркнул,
— Смирно!—
С буксирного кнехта
Грозя семистам.

— Недовольство?!
Кто кушать, — в камбуз.
Кто не хочет, — на рею.
Выходи! —
Вахты замерли, ахнув.

И вдруг, сообщая,
Все пустились в смятеньи
От кнехта
Бегом к батарее.
— Стой!
Довольно! —
Вскричал
Озверевший апостол борща.

Часть бегущих отстала.
Он стал поперек.
— Снова шашни?! —
Он скомандовал:
— Боцман,
Брезент!
Караул, оцепить! —
Остальные,
Забившись толпой в батарейную башню,
Ждали в ужасе казни,
Имевшей вот-вот наступить.

Шибко бились сердца.
И одно,
Не стерпевшее боли,
Взвыло:
— Братцы!
Да что ж это! —
И, волоса шевеля,

— Бей их, братцы, мерзавцев!
За ружья!
Да здравствует воля! —
Лязгом стали и ног
Откатилось
К лапам корабля.

И восстанье взвилось,
Шелестя,
До высот кабестанов,
И раздулось,
И там
Кистенем
Описало дугу.
— Что нам взапуски бегать!
Да стой же, мерзавец!
Достану! —
Трах-тах-тах...
Вынос кисти по цели
И залп на бегу.

Трах-тах-тах...
И запрыгали пули по палубам,
С палуб,
Трах-тах-тах
По воде,
По пловцам,
— Он еще на борту?! —

Залпы в воду и в воздух.

— Ага!

Ты звереешь от жалоб?! —

Залпы, залпы,

И за ноги за борт

И марш в Порт-Артур.

А в машинном возились,

Не зная еще хорошенько,

Как на шканцах дела,

Когда, тенью проплыв по котлам,

По машинной решетке

Гигантом

Прошел

Матюшенко,

И, нагнувшись над адом,

Вскричал:

— Степа!

Наша взяла! —

Машинист поднялся.

Обнялись.

— Попытаем без нянек.

Будь покоен!

Под стражей.

А прочим по пуле и вплавь.

Я зачем к тебе, Степа, —

Каков у нас младший механик? —

Есть один. —
— Ну и ладно.
Ты мне его наверх отправь.

День прошел.
На заре,
Облачась в дымовую завесу,
Крикнул в рупор матросам матрос:
— Выбирай якоря! —
Голос в облаке смолк.
Броненосец пошел на Одессу,
По суровому кряжу
Оранжевым крапом
Горя.

СТУДЕНТЫ

Бауман!
Траурным маршем
Ряды колыхавшее имя!
Шагом,
Кланяясь флагам,
Над полной голов мостовой
Волочились балконы
По мере того,
Как под ними
Шло без шапок
„Вы жертвою пали
В борьбе роковой“.

С высоты одного,
Обеспамятев,
Бросился сольный
Женский альт.
Подхватили.
Когда же и он отрыдал,

Смолкло все.
Стало слышно,
Как колет мороз колокольни.
Вихри сахарной пыли,
Свистя,
Пронеслись по рядам.

Хоры стихли вдали.
Залохматилась тьма.
Подворотни
Скрыли хлопья.
Одернув
Передники на животе,
К Моховой от Охотного
Двинулась черная сотня,
Соревнуя студенчеству
В первенстве и правоте.

Где-то долг отдавался последний,
И он уже воздан.
Молкнет карканье в парке,
И прах на Ваганькове —
Нем.
На погостной траве
Начинают хозяйничать
Звезды.
Небо дремлет,
Зарывшись
В серебряный лес хризантем.

Тьма.
Плутанье без плана
И вдруг,
Как в пролете чулана,
Угол улицы — в желтом ожоге.
На площади свет!
Вьюга лошадю пляшет буланой,
И в шапке улана
Пляшут книжные лавки,
Манеж
И университет.

Ходит, бьется безлюдье,
Бросая бессонный околыш
К кровле книжной торговли,
Но только
В тулью из огня
Входят люди, она
Оглашается залпами —
„Сволочь!“
Замешательство.
Крики
„Засада!
Назад!“
Беготня.

Ворота на запоре.
Ломай!

Подаются.
Пролеты,
Входы, вешалки, своды,
„Позвольте. Сойдите с пути!“
Ниши, лестницы, хоры,
Шинели, пробирки, кислоты.
„Тише, тише,
Кладите.
Без пульса. Готов отойти“.

Двери врозь.
Вздых в упор
Купорося и масляной краски.
Кольты прочь,
Польта на пол,
К шкапам, засуча рукава.
Эхом в ночь:
„Третий курс!
В реактивную, на перевязку!“
„Снегом, снегом, коллега“.
— Ну, как?
„Да куда. Чуть жива“.

А на площади группа.
Завейный тьмой Ломоносов.
Лужи теплого вара.
Курающийся кровью мороз.
Трупы в позах полета.

Шуршащие складки заноса.
Снято снегом
Проявлено
Вечностью, разом, взброс.

Мыльный звон пузырей.
Это в колбы палатных беспамятств
Вмуровалось
Сквозь стенку
Несущейся сходки вытье.
„Протестую. Долой“.
Двери вздрагивают, упрямясь.
Млечность матовых стекол
И марля на лбах.
Забытье.

МОСКВА В ДЕКАБРЕ

Снится городу:
Все,
Чем кишит,
Исключая шпионства,
Озаренная даль,
Как на сыплющееся пшено,
Из окрестностей Пресни
Летит
На Трехгорное солнце,
И купается в просе,
И просится
На полотно.

Солнце смотрит в бинокль
И прислушивается
К орудьям,
Круглый день на закате
И круглые дни на виду.
Прудовая заря

Достигает
До пояса людям,
И не выше груди
Баррикадные ramпы во льду.

Беззаботные толпы
Снуют,
Как бульварные крали.
Сутки,
Круглые сутки
Работают
Поршни гульбы.
Ходят гибели ради
Глядеть пролетарского Граля,
Шутят жизнью,
Смеются,
Шатают и валят столбы.

Вот отдельные сцены.
Аквариум.
Митинг.
О чем бы
Ни оралось внутри,
За сигарой сигару куря,
В вестибюле дуреет
Дружинник
С фитильною бомбой.
Трут во рту. Он сосет

Эту дрянь,
Как запал фонаря.

И в чаду, за стеклом
Видит он:
Тротуар обезродел.
И еще видит он:
Рассказавшись,
На снежном кругу,
Как с летящих ветвей,
Со стремян
И прямящихся седел,
Спешась, градом,
Как яблоки,
Прыгают
Куртки драгун.

На десятой сигаре,
Тряхнув театральной дверью,
Побледневший курильщик
Выходит
На воздух,
Во тьму.
Хорошо б отдышаться!
Баба́х...
И — как лошади прерий —
Табуном,
Врассыпную —
И сразу легчает ему.

Шашки.
Бабы платки.
Бакенбарды и морды вогулок.
Густо бредят костры.
Ну и кашу мороз заварил!
Гулко ухаает в фидлерцев
Пушкой
Машков переулок.
Полтораستا борцов
Против тьмы без числа и мерил

После этого
Город
Пустеет дней на десять кряду.
Исчезает полиция.
Снег неисслежен и цел.
Кривизну мостовой
Выпрямляет
Прицел с баррикады.
Вымирает ходок
И редчает, как зубр, офицер.

Всюду груды вагонов,
Завещанных конною тягой.
Электрический ток
Только с год
Протянул провода.
Но и этот, поныне
Судящийся с далью сутяга

Для борьбы
Всю как есть
Отдает свою сеть без суда.

Десять дней, как палят
По Миусским конюшням
Бутырки.
Здесь сжились с трескотней,
И в четверг,
Как смолкает пальба,
Взоры всех
Устремляются
Кверху,
Как к куполу цирка:
Небо в слухах,
В трапециях сети,
В трамвайных столбах.

Их, что туч.
Все черно.
Говорят о конце обороны.
Обыватель устал.
Неминуемо будет праветь.
„Мин и Риман“
Гремят
На заре
Переметы перрона,
И Семеновский полк

Переводят на Брестскую ветвь.
Значит крышка?
Шабаш?
Это после боев, караулов
Ночью, стужей трескучей,
С винчестерами, вшестером?..
Перед ними бежал
И подошвы лизал
Переулок.
Рядом сад холодел,
Шелестя ледяным серебром.

Но пора и собираться.
Смеркается.
Крепнет осада.
В обручах канонады
Сараи, как кольца, горят.
Как воронье гнездо,
Под деревья горящего сада
Сносит крышу со склада,
Кружась,
Бесноватый снаряд.

Понесло дураков!
Это надо ведь выдумать:
В баню!
Переждать бы смекнули.
Добро, коли баня цела.
Сунься за дверь — содом.

Небо гонится с визгом кабаньим
За сдуревшей землей.
Топот, ад, голошенье котла.

В свете зарева
Наспех
У Прохорова на кухне
Двое бороды бреют.
Но делу бритьем не помочь.
Точно мыло под кистью,
Пожар
Наплывает и пухнет.
Как от искры,
Пылает
От имени Минова ночь.

Все забилося в подвалы.
Крепиться нет сил.
По заводам
Темный ропот растет.
Белый флаг набивают на жердь.
Кто ж пойдет к кровопийце?
Известно кому, — коноводам!
Топот, взвизги кабаньи, —
На улице верная смерть.

Ад дымит позади.
Пуль не слышно.
Лишь вьюги порханье

Бороздит тишину.
Даже жутко без зарев и пуль.
Но дымится шоссе,
И из вихря —
Казачи верхами.
Стой!
Расспросы и обыск,
И вдаль улетает патруль.

Было утро.
Простор
Открывался бежавшим героям.
Пресня стлалась пластом,
И, как смятый грозой березняк,
Роем бабьих платков
Мыла
Выступы конного строя
И сдавала
Смирителям
Браунинги на простынях.

*ЛЕЙТЕНАНТ
Ш М И Д Т*

ЛЕЙТЕНАНТ ШМИДТ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1.

Поля и даль распластывались эллипсом.
Шелка зонтов дышали жаждой грома.
Палящий день бездонным небом целился
В трибуны скакового ипподрома.

Народ потел, как хлебный квас на леднике,
Привороженный таяньем дистанций.
Крутятся в смерче копыт и наголенников,
Как масло били лошади пространство.

А позади, размерно-бьющим веяньем
Какого-то подземного начала
Военный год взвивался за жокеями
И лошадьми и спицами качалок.

О чем бы ни шептались, что бы не пили,
Он рос кругом и полз по переходам

И вмешивался в разговор и пепельной
Щепоткою примешивался к водам.

Все кончилось. Настала ночь. По Киеву
Пронесся мрак, швыряя ставень в ставень.
И хлынул дождь. И вот, как дни Батыевы,
Ушедший день стал странно стародавен.

2.

„Я вам писать осмеливаюсь. Надо ли
Напоминать? Я тот моряк на дерби.
Вы мне тогда одну загадку задали,
А впрочем после, после. Время терпит.

Когда я увидал вас... но до этого
Я как-то жил, и вдруг забыл об этом,
И разом начал взглядом вас преследовать,
И потерял в толпе за турникетом.

Когда прошел столбняк моей бестактности,
Я спохватился, что не знаю, кто вы.
Дальнейшее известно. Трудно стакнуться,
Чтоб встретиться столь баснословно снова.

Вы вдумались ли только в то, какое здесь
Раздолье вере! — Оскорбиться взглядом,
Пропасть в толпе, случиться ночью в поезде,
Одернуть зонт и очутиться рядом!“

Над морем бурный рубчик
Рубиновой зари.
А утро так пустынно,
Что в тишине, граничащей
С утратой смысла, слышно
Как, что-то силясь вытащить,
Гремит багром пучина
И шарит солнце по дну
И щупает багром.

И вот в клоаке водной
Отыскан диск всевидящий.
А Севастополь спит еще
И утро так пустынно,
Кругом такая тишь,
Что на вопрос пучины, —
Откуда этот гром,
В ответ пустые пристани:
От плеска волн по диску,
От пихт, от их неистовства,
От стука сонных лиственниц
О черепицу крыш.

Известно ли, как влюбчиво
Бездомное пространство,
Какое море ревности
К тому, кто одинок?

Как, по извечной странности,
Родимый дух почувствовав,
Летит в окошко пустошь,
Как гость на огонек?

Известно ль, как навязчива
Доверчивость деревьев,
Как, в жажде настоящего,
Ночная тишина,
Порвавши с ветром с вечера,
Порывом одиночества
Влетает, как налетчица,
К незнающему сна?

За наименьшем лучшего
Он ей в герои прочится.
Известно ли, как влюбчива
Тоска земного дна?

Заре, корягам якорным,
Волнам и расстояньям
Кого-то надо выделить,
Спасти и отстоять.
По счастью, утром ранним
В одноэтажном флигеле
Не спит за перепиской
Таинственный моряк.

Всю ночь он пишет глупости,
Вздремнет и скок с дивана.

Бежит в воде похлопаться
И снова на диван.
Потоки света рушатся,
Урчат ночные ванны,
Найдет волна кликушества,
Он сызнава под кран.

„Давайте посчитаемся.
Едва сюда я прибыл,
Я все со дня приезда
Вношу для вас в реестр,
И вам всю душу выболтал
Без страха, как на таинстве,
Но в этом мало лестного
И тут великий риск.

Опасность увеличится
С течением дней дождливых.
Моя словоохотливость
Заметно возрастет.
Боюсь, не отпугнет ли вас
Тогда моя болтливость?
Вы отмолчитесь, скрытчица,
Я ж выболтаюсь вдрызг.

.
Вы скажете, ребячество, —
Но близятся события.
А ну как в их разгаре
Я скроюсь с ваших глаз?

Едва ль они насытятся
Одной живою тварью:
Ваш образ тоже спрячется,
Мне будет не до вас.

Я оглушусь их грохотом
И вряд ли уцелею.
Я прокачусь их эхом,
А эхо длится миг.
И вот я с просьбой крохотной:
Ввиду моей затеи
Нам с вами надо б съехаться
До них и ради них“.

4.

Октябрь. Кольцо забастовок.
О, ветер! О, ада исчадьё!
И моря, и грузов, и кладки
Летающие пряди.
О, буря брошюр и листовок!
О, слякоть! О, темень! О, зовы
Сирен, и замки и засовы
В начале шестого.

От тюрем -- к брошюрам и бурям.
О, ночи! О, вольные речи!
И залпам навстречу — увечья
Отвесные свечи!

О, кладбище в день погребенья!
И в лад лейтенантовой клятве
Заплаканных взглядов и платьев
Кивки и объятья!
О, лестницы в крепе! О, пенье!
И хором, в ответ незнакомцу
Стотысячной бронзой о бронзу:
Клянитесь! Клянемся!

О, вихрь, обрывающий фразы,
Как клены и вязы! О, ветер,
Щадящий из связей на свете
Одни междометья!
Ты носишь бушующей гладью:
„Потомства и памяти ради
Ни пяди обратно! Клянитесь!“
„Клянемся. Ни пяди!“

5.

Постойте! Куда вы? Читать? Не дотолчетесь!
Все сперлось в беспорядке за фортами, и земля,
Ничего не боясь, ни о чем не заботясь,
Парит растрепой по ветру, как бог пошлет, крыля.
Еще вчерашней ночью гуляющих заботил
Ежевечерний очерк Севастопольских валов,
И воронье редутов из вереницы метел
В полете превращалось в стаю песьих голов.

Теперь на подъездах расклеен оттиск
Сырого манифеста. Ничего не боясь,
Ни о чем не заботясь, обкладывает подпись
Подклейстеренным пластырем следы недавних язв.
Даровать населению незыблемые основы
Гражданской свободы. Установить, чтоб никакой...
И, зыбким киселем заслякотив засовы,
На подлинном собственной его величества рукой.

Хотя еще октябрь, за дряблой дрожью ветел
Уже набрякли сумерки хандрою ноября.
Виной ли манифест, иль дождик разохотил,—
Саперы месят слякоть и гуляют егеря.
Дан в Петергофе. Дата. Куда? Свои! Не бойтесь!
В порту торговом давка. Солдаты, босяки.
Ничего не боясь, ни о чем не заботясь,
Висят замки в отеках картофельной муки.

6.

Три градуса выше нуля.
Продрогшая земля.
Промозглое облако во сто голов
Сечет крупой подошвы стволов,
И лоском олова берясь
На градоносном бризе,
Трепещет листьев неприязнь
К прикосновенью слизи.
И голая ненависть листьев и лоз

Краснеет до корней волос.
Не надо. На земь. Руки врозь!
Готово. Началось.

Айва, антоновка, кизил,
И море Черное вблизи:
Ращенье гор, и поворот,
И в уши и за уши, изо рта в рот.
Ушаты холода. Куски
Гребнистой, ослепленно скотской
В волненьи глотающей волны, как клещки,
Сквозной, ристалищной тоски.

Агония осени. Антагонизм
Пехоты и морских дивизий
И агитаторша девица
С жаргоном из аптек и больниц.

И каторжность миссии: переорать
(Борьба, борьбы, борьбе, борьбою,
Пролетарьят, пролетарьят)
Иронию и соль прибоя,
Родящую мятеж в ушах
В семидесяти падежах.
И радость жертвовать собою.
И — случая слепой каприз —

Одышливость тысяч в бушлатах по-флотски
Толпою в волненьи глотающих клещки

Немыслимых слов с окончаньем на изм,
Нерусских на слух и неслыханных в жизни,
(А разве слова на казенном карнизе
Казармы, а разве морские бои,
А признанные отчизной слои —
— — Свои?!)

И упоенье героини,
Летящей из времен над синей
Толпою, — головою вниз,
По переменной атмосфере
Доверия и недоверья
В иронию соленых брызг.

О, государства истукан,
Свободы вечное преддверье!
Из клеток крадутся века,
По колизею бродят звери
И проповедника рука
Бесстрашно крестит клеть сырую,
Пантеру верой дрессируя,
И вечно делается шаг
От римских цирков к римской церкви,
И мы живем по той же мерке,
Мы, люди катакомб и шахт.

7.

Вдруг кто-то закричал: пехота!
Настал волненья апогей.

Амуниционный шорох роты
Командой грохнулся: к ноге!
В ушах шатался шаг шоссе́йный,
И вздрагивал, и замирал.
По строю с капитаном Штейном
Прохаживался адмирал.

„Я б ждать не стал, чтоб чирей вызрел.
Я б гнал и шпарил по пятам.
Предлогов тьма. Случайный выстрел,
И — дело в шляпе, капитан“.
„Parlez plus bas“, — заметил сухо
Другой. — „Притом, я не оглох.
Подумайте, какого слуха
Коснуться может диалог“.

Шагах в восьми, в полоборота,
В струеньи лент, как в вымпелах,
Верста матросских подбородков
Гулявших взглядами жрала.
И вот, едва ушей отряда
Достиг шуточный разговор,
Как грянуло два данных кряду
Нежданных выстрела в упор.

Все заслонилось передрягой.
Изгладилось, как, побелев,
„Ты прав!“ вскричал матрос с „Варяга“,
Георгиевский кавалер.

Как, дважды приложась с колена,—
Шварк об землю ружье, и вмиг
Привстал и, точно куртка тлея,
Стал рвать душивший воротник.
И слышал: одного смертельно,
И знал — другого наповал,
И рвал гайтан и тискал тельник
И ребер сдерживал обвал.

А уж перекликались с плацем
Дивизии. Уже копной
Ползли и начинали стлаться
Сигналы мачты позывной.
И вдруг зашевелилось море.
Взвились эскадры языки
И дернулись в переговоре
Береговые маяки.

„Ведь ты — не разобрал, без злобы?
Ты стой на том и будешь цел“.
— „Нет, вашество, белить не пробуй.
Я вздраве наводил прицел“.
„Тогда“ — и вдруг застряло слово:
Кругом, что мог окинуть глаз
„Ты сам пропал и арестован“.
Восстанья присказка вилась.

8.

„Вообрази, чем отвратительней
Действительность, тем письма глаже.

Я это проверил на „Трех Святителей“,
Где третий день содержусь под стражей.

Покамест мне бояться нечего,
Да и — неробкого десятка.
Прими нелепость происшедшего
Без горького осадка.

И так как держать меня ровно не за что,
То и покончим с этим делом.
Вот как спастись от мыслей, лезущих
Без отступа по суткам целым?

Припомнишь мать, и опять безоглядно
Жизнь пролетает в караване
Изголодавшихся и радужных
Надежд и разочарований.

Оглянешься, — картина целостней.
Чем больше было с нею розни,
Чем чаще думалось: что делать с ней? —
Тем и ее ответ серьезней.

И снова я в морском училище.
О, прочь отсюда, на минуту
Вдохнувши мерзости бессиящей!
Дивлюсь, как цел ушел оттуда.

Ведь это там, на дне военщины
Навек ребенку в сердце вкован

Облитый мукой облик женщины
В руках поклонников Баркова.

И вновь я болен ей, и ратую
Один, как перст, средь мракобесья,
Как мальчиком в восьмидесятые.
Ты помнишь эту глушь репрессий?

А помнишь, я приехал мичманом
К вам на лето, на перегибе
От перечитанного к личному, —
Еще мне предрекали гибель?

Тебе пришлось отца задабривать.
Ему, контр-адмиралу, чуден
Остался мой уход... на фабрику
Сельскохозяйственных орудий.

Взгляни ж теперь, порою выводов
При свете сбывшихся иллюзий
На невидаль того периода,
На брата в выпачканной блузе“.

9.

Окрестности и крепость,
Затянутые репсом,
Терялись в ливне обложном,
Как под дорожным кожаном.
Отеки водянки
Грязнили горизонт,

Суда на стоянке
И гарнизон.
С утра тянулись семьями
Мещане по шоссе
Различных ориентаций,
Со странностями всеми,
В ландо, на тарантасе,
В повальном бегстве все.

У города со вторника
Утроилось лицо:
Он стал гнездом затворников,
Вояк и беглецов.
Пред этим в понедельник,
В обеденный гудок
Обезголосел элинг
И обезлюдел док.
Развертывались порознь,
Сошлись неупрочен
За слесарно-сборочной
У выходных ворот.
Солдатки и служанки
Исчезли с мостовых
В вихрях „Варшавянки“
И мастеровых.
Влились в тупик казармы
И — вон из тупика,

Клубясь от солидарности
Брестского полка.

Тогда, и тем решительней,
Чем шире рос поток,
Встревоженные жители
Пустились наутек.
Но железнодорожники
Часам уже к пяти
Заставили порожними
Составами пути.
Дорогой, огибавшей
Военный порт, с утра
Катились экипажи,
Мелькали кучера.
Безмолвствуя, потерянно
Струями вис расцвет,
Толстый, как материя,
Как бисерный кисет.

Деревья всех рисунков
Сгибались в три дуги
Под ранцами и сумками
Сумрака и мги.
Вуали паутиной
Топырились по ртам.
Столбы, скача под шины,
Несли ко всем чертям.

Майорши, офицерши
Запахивали плащ.
Вдогонку им, как шершень,
Свистел шоссейный хрящ.
Вставали кипарисы;
Кивали, подходя;
Росли, чтоб испариться
В кисее дождя.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

1.

Вырываясь с моря из-за почты,
Ветер прет наощупь, как слепой,
К повороту, несмотря на то, что
Тотчас же сшибается с толпой.
Он приперт к стене ацетиленом,
Втопан в грязь, и несмотря на то,
Трын-трава и—море по колено:
Дует дальше с той же прямотой.
Вот он бьется, обваривши харю,
За косою рамой фонаря
И уходит, вынырнув на паре
Торопливых крыл нетопыря.

У матросов, не смотря на пору
И порывы ветра с пустыря,
На дворе казармы—шум и споры
Это темной ночью ноября.
Их галдит за тысячу, и каждым,

Точно в бурю вешний буерак,
Разворочен, взрыт и взбудоражен
И буграми поднят этот мрак.

Пахнет волей, мокрою картошкой,
Пахнет почвой, норками кротов,
Пахнет штормом, несмотря на то, что
Это шторм в открытом море ртов.
Тары-бары, шутки балагура,
Слухи, толки, шарканье подошв
Так и ходят вокруг одной фигуры,
Как распространившийся падёж.

Ходит слух, что он у депутатов,
Ходит слух, что едет в комитет,
Ходит слух,—и вот как раз тогда-то
Нарастает что-то в темноте,
И, глуша раскатами догадки,
И сметая со всего двора
Караулки, будки и рогатки,
Катится и катится ура.

С первого же сказанного слова
Радость покидает берега.
Он дает улечься ей, и снова
Удесятеряет ураган.
Долго с бурей борется оратор.
Обожанье рвется на простор.
Не словами,—полной их утратой
Хочет жить и дышит их восторг.

Это объяснение исполинов.
Он и двор обходятся без слов:
Если с ними флаг, то он—малинов,
Если мрак за них, то он—лилов.
Все же раз доносится: эскадра.
Это с тем, чтоб братья, да с умом
И потом другое слово: завтра.
Это, верно, о себе самом.

2.

Дорожных сборов кавардак.
„Твоя“, твердящая упрямо
С каракулями на бортах,
Сырая сетка телеграммы.

„Мне тридцать восемь лет. Я сед.
Не обернешься, глядь—кондрашка“.
И с этим об пол хлоп порт-плед,
Продернув ремешки сквозь пряжки.

И на карачках под диван,
Потом от чемодана к шкапу...—
Любовь, горячка, караван
Вещей, переселенных на пол.

Как вдруг звонок, и кабинет
В перекосившемся: о, боже!
И рядом: „Папы дома нет“.
И грохотанье ног в прихожей.

Но двери настежь, и в дверях:
„Я здесь. Я враг кровопролитья“.
„Тогда какой же вы моряк,
Какой же вы тогда политик?

Вы революционер? В борьбу
Не вяжутся в перчатках дамских“.
— „Я собираюсь в Петербург.
Не убеждайте. Я не сдамся“.

3.

Подросток реалист,
Разняв драпри, исчез
С запиской в глубине
Отцова кабинета.
Пройдя в столовую
И уши наострив,
Матрос подумал:
„Хорошо у Шмидта“.

Было это в ноябре,
Часу в четвертом.
Смеркалось.
Скромность комнат
Спорила с комфортом.
Минуты три извне
Не слышалось ни звука
В уютной, как каюта,
Конуре.

Лишь по кутерьме
Пылинок в пятерне портьеры,
Несмело шмыгавших
По книгам, по кошме
И окнам запотелым,
Видно было:

Дело —
К зиме.

Минуты три извне
Не слышалось ни звука
В глухой тиши, как вдруг
За плотными драпри
Проклятья раздались
Так явственно,
Как-будто тут, внутри.

— Чухнин! Чухнин?
Погромщик бесноватый!
Виновник всей брехни!
Разоружать суда?
Нет, клеветник,
Палач,
Инсинуатор,
Я научу тебя, отродье ката, отличать
От правых виноватых!
Я Черноморский флот, холоп и раб,
Забью тебе, как кляп, как клепку, в глотку.

И мигом ока двери комнаты вразлет.
Буфет, стаканы, скатерть, —

— Катер?

— Лодка!

В ответ на брошенный вопрос—матрос,
И оба—вон, очаковец за Шмидтом,
Невпопад, не в ногу, из дневного понемногу

в ночь,

Наугад куда-то, вперехват закату
По размытым рытвинам садовых гряд.
В наспех стянутых доспехах
Жарких полотняных лат,
В плотном, потном, зимнем платье
С головы до пят,
В облака, закат и эхо
По размытым, сбитым плитам
Променад.

Потом бегом. Сквозь поросли укропа,
Опрометью с оползня в песок,
И со всех ног, тропой наискосок
Кругом обрыва. Топот, топот, топот,
Топот, топот,—поворот—другой—
— И вдруг как вкопанные, стоп:
И вот он, вот он весь у ног
Захлебывающийся Севастополь,
Весь вобранный, как воздух, грудью двух
Бездонных бухт,

И полукруг
Затопленного солнца за „Синопом“.
С минуту оба переводят дух,
И кубарем с последней кручи—бух
В сырую грудь рухнувшего бута.

4.

В зимней призрачной красе
Дремлет рейд в рассветной мгле,
Сонно кутаясь в туман
Путаницей мачт,
И купаясь, как в росе,
Оторопью рей
В серебре и перламутре
Полумертвых фонарей.
Еле-еле лебезит
Утренняя зыбь.
Каждый, еле слышный шелест,
Чем он мельче и дряблей,
Отдается дрожью в теле
Кораблей.

Он спит, притворно занедужась,
Могильным сном, вогнав почти
Трехверстную округу в ужас.
Он спит, наружно вызвав штиль.
Он скрылся как от колотушек
В молочно белой мгле. Он спит

За пеленою малодушья.
Но чем он с панталыку сбит?

С утра на суше—муравейник.
В тумане тащатся войска.
Всего заметней их роенье
Толпе у Павлова мыска.
Пехотный полк из Павлограда
С тринадцатою полевой
Артиллерийскою бригадой
И—проба потной мостовой.

Колеса, кони, пулеметы,
Зарядных ящиков разбег,
И—грохот, грохот до ломоты
Во весь Нахимовский проспект.
На Историческом бульваре,
Куда на этих днях свезен
Военный лом былых аварий,—
Донцы и Крымский дивизион.

И любопытство, любопытство:
Трехверстный берег под тупой,
Пришедшей пить или топиться,
Тридцатитысячной толпой.
Она покрыла крыши барок
Кишащей кашей черепах,
И ковш Приморского бульвара,
И спуска каменный черпак.

Он ею доверху унизан,
Как копотью несметных птиц,
Копящих силы по карнизам,
Чтоб вихрем гари в ночь нестись.

.
Когда сбежали испаренья,
И солнце, колыхнувши флот,
Всплыло на водяной арене,
Как обалдевший кашалот,
В очистившейся панораме
Обрисовался в двух шагах
От шара—крейсер под парами,
Как кочегар у очага.

5.

Вдруг, как снег на голову, гул
Толпы, как залп, стегнул
Трехверстовой гранит,
И откатился с плит.
Ура-ударом в борт, в штурвал,
В бушприт!
Ура навеки, наповал,
Навзрыд!
Над крейсером взвился сигнал:
КОМАНДУЮ ФЛОТОМ. ШМИДТ.
Он вырвался, как вздох
Со дна души рядна,
И не его вина,

Что не предостерег
Своих, и их застиг врасплох,
И рвется, в поисках эпох,
В иные времена.

Он вскинут, как магнит
На нитке, и на миг
Щетинит целый лес вестей
В осиннике снастей.

Над крейсером взвился сигнал:
КОМАНДУЮ ФЛОТОМ. ШМИДТ.

И мачты рейда, как одна:
Он ими вынесен и смыт
И перехвачен второпях
На двух—на трех—на четырех
Военных кораблях.

Но иссякает ток подков
И облетает лес флажков,
И по веревке, как зверек,
Спускается кумач.
А зверь, ползущий на флагшток,
Ужасен, как немой толмач,
И флаг Андреевский—томящ,
Как рок.

6.

Когда с остальными увидел и Шмидт,
Что только медлительность мига хранит
Бушприт и канаты

От града, и надо
Немедля насытить его аппетит,
Чтоб только на миг оттянуть канонаду,
В нем точно проснулся дремавший Орфей.
И что ж он задумал, другого первей?
Объехать эскадру,
Усовестить ядра,
На муку подвигнуть зверё из верфёй.

И на миноносце ушел он туда,
Где, небо и гавань лоя в невода,
В снастях, бездыханной
Семьей богдыханов,
Династией далее дымились суда.
Их строй был поистине неисчислим.
Грядой пристаней не граничился клин,
Но, весь громоздясь Пелионом на Оссу,
Под лад броненосцам
Качался и неся
Обрывистый город в шпалерах маслин.

7.

Он тихо шел от пушки к пушке,
А даль неслась.
Он шел под взглядами опухших,
Голодных глаз.

И вот, стругая воду, будто
Стальной терпуг,

Он видел не толпу над бухтой,
А Петербург.

Но что могло напомнить юность?
Неужто сброд,
Грязнивший слух, как сток гальюнный
Для нечистот?

С чужих бортов друзья по школе,
Тех лет друзья
Ругались и встречали в колья,
Петлей грозя.

Назад! Зачем соваться под нос,
Под дождь помой?
Утратят ли боеспособность
„Синоп“ с „Чесмой“?

8.

Снова, на миг повернувшись круто,
Город от криков задрожал:
На миноносец брали с „Прута“
Освобожденных каторжан.
Снова, приветствуем экипажем,
На броненосцы всходил и глох
И офицеров брал под стражу
И уводил с собой в залог.

В смене отчаянья и отваги
Вновь, озираясь, мертвел, как холст:

Всюду суда тасовали флаги.
Стяг государства за красным полз.
По возвращеньи же на „Очаков“,
Искрой надежды еще согрет,
За волоса схватясь, заплакал,
Как на ладони увидев рейд.

„Эх“, — простонал, — „подвели, каналы!“
Натиском зарев рдела вода.
Дружно смеркалось. Рейд удлинiali
Тучи, косматясь, как в холода.
С суши, в порыве низкопоклонства
Шибче, чем надо, как никогда,
Падали крыши складов и консульств,
Камни и тени, скалы и солнце
В воду и вечность, как невода.
Все закружилось так, что в финале
Обморок сшиб его без труда.

9.

Был выпретен, как сердце,
И тих закат, как вдруг
Метнула пушка с „Герца“
Икру.

Мгновенный взрыв котельной,
Далекий крик с байдар,
И — под воду. Смертельный
Удар!

От катера к шаландам
Пловцы, тела, балласт.
И радость: часть команды
Спаслась.

И началось. Пространства,
Клубясь, метнулись в бой,
Чтоб пасть и опростаться
Пальбой.

10.

Внутри настала ночь. Снаружи
Зарделся движущийся хвост
Над войском всех родов оружия
И свойств.

Он лез, грабастая овраги,
И треском разгонял толпу,
И пламенел и гладил флаги
По лбу.

Как сумерки, сгустились снасти.
В ревущей, хлещущей дряпне
Пошла валить, как снег в ненастье,
Шрапнель.

Она рвалась в лету, на жнивьях,
В расцвете лет людских, в воде,
Рождая смерть, и визг, и вывих
Везде.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

1.

„Все отшумело. Вставши поодаль,
Чувствую всею силой чутья:
Жребий завиден. Я жил и отдал
Душу свою за други своя.

Высшего нет. Я сердцем — у цели
И по пути в пустыках не увяз.
Крут был подъем, и сегодня, в сочельник,
Ошеломляюсь, остановясь.

Но объясни. Полюбив даже вора,
Как не рвануться к нему в каземат
В дни, когда всюду только и спору,
Нынче его или завтра казнят?

Ты ж предпочла омрачить мне остаток
Дней. Прости мне эти слова.
Спор подогнал бы таянье святок.
Лучше задержим бег рождества.

Где он, тот день, когда, вскрыв телеграмму,
Все позабыв за твоим „навсегда“,
Жил я мечтой, как помчусь и нагряну?
Как же, ты скажешь, попал я сюда?

В вечер ее получения был митинг.
Я предрекал неуспех мятежа,
Но уж ничто не могло вразумить их.
Ехать в ту ночь означало бежать.

О, как рвался я к тебе! Было пыткой
Браться и знать, что народ не готов,
Жертвовать встречей и видеть в избытке
Доводы в пользу других городов.

Вера в разъезд по фабричным районам,
В новую стачку и новый подъем,
Может, сплеталась во мне с затаенным
Чувством, что ездить будем вдвоем.

Но повалила волна депутатий,
Дума, эсдеки, звонок за звонком.
Выехать было нельзя и пытаться.
Вот и кончаю бунтовщиком.

Кажется, все. Я гораздо спокойней,
Чем ожида́ют. Что, бишь, еще?
Да, а насчет Севастопольской бойни
В старых газетах — полный отчет“.

Послепогромной областью почтовый поезд в Ромны
 Сквозь вопли вьюги доблестно прокладывает путь.
 Снаружи — вихря гарканье, огарков проблеск темный,
 Мигают гайки жаркие, на рельсах пляшет ртуть.
 Огни и искры чиркают, и дым над изголовьем
 Бежит за пассажиркою по лестницам витым.
 В одиннадцать, не вынеся немолчного злословья,
 Она встает, и — к выходу на вызов клеветы.

И молит, в дверь просунувшись: „Прошу вас, не шумите...

Нельзя же до полуночи!“ И разом в ляг и дым
 Уносит оба голоса и выдумку о Шмидте,
 И вьет и тащит по лесу по лестницам витым.
 Наверно, повод есть у ней, отворотясь к простенку,
 Рыдать, сложа ответственность в сырой комок
 платка.

Вы догадались, кто она. — Его корреспондентка.
 В купе кругом рассованы конверты моряка.

А в ту же ночь в Очакове в пурге и мыльной пене
 Полощет створки раковин песчаная коса.
 Постройки есть на острове, острог и укрепленье.
 Он весь из камня острого, и — чайки на часах.
 И неизвестно едущей, что эта крепость тезка
 (Очаков — крестный дедушка повстанца корабля)
 Таит по злой иронии звезду надежд матросских,
 От взора постороннего прибором отдела.

Но что пред забастовкою почтово-телеграфной
Все тренья и неловкости во встрече двух сердец!
Теперь хоть бейся об стену в борьбе с судьбой
неравной,
Дознаться, где он, собственно, нет ни малейших
средств.

До Ромен не доехать ей. Не скрыться от мороки.
Беглянка видит нехотя: забвенья нет в езде,
И пешую иль бешено катящую, с дороги
Ее вернут депешю к ее дурной звезде.

Тогда начнутся поиски, и происки, и слезы,
И двери тюрем вскроются, и, вдоволь очернив,
Сойдутся поспоровистей объятая пьяной прозы,
И смерть скользнет по повести, как оттиск пятерни.
И будет день посредственный, и разговор в пе-
редней,
И обморок, и шествие по лестнице витой,
И тонущий в периодах, как камень, миг последний
И жажда что-то выудить из прорвы прожитой.

3.

Как памятен ей этот переход!
Приезд в Одессу ночью новогодней.
С какою неохотой пароход
Стал подымать в ту непогоду сходни!
И утренней картины не забыть.
В ушах шумело море горькой хиной.

Снег перестал, но продолжали плыть
Обрывки туч, как кисти балдахина.

Потом вдали из кучки пирамид
Привстал маяк поганкою мухортой.
„Мадам, вот остров, где томится Шмидт“.
И публика шагнула вправо к борту.
Когда пороховые погреба
Зашли за строй барачков карантинных,
Какой-то образ трупного гриба
Остался гнить от виденной картины.

Понурый, хмурый, черный островок
Несло водой, как шляпку мухомора.
Кружась в водовороте, как плевок,
Он затонул от полного измора.
Тем часом пирамиды из химер
Слагались в город, становились тверже,
И вдруг, застав слезами глазомер,
Образовали крепостные горжи.

4.

Однако, как свежо Очаков дан у Данта!
Амбары, каланча, тачанки, облака...
Все это так, но он дорогой к коменданту
В отличие от нее имел проводника.

Как ткнуться? Что сказать? Перебрала оттенки.
„Я конфидентка Шмидта? Я его дневник?“

Я крик его души из номеров Ткаченки,
Вот для него цветы и связка старых книг?

Удобно ли тогда с корзиной гиацинтов,
Не значась в их глазах ни в браке ни в родстве?—
Так думала она, и ветер рвал косынку
С земли, и даль неслась за крепостной бруствер.

Но это все затмил прием у генерала.
Индюшачий кадык спирал сухой коклюш.
Желтел натертый пол, по окнам темь ныряла
И снег махоркой жег больные глотки луж.

5.

Уездная глушь захоlustья.
Распев петухов по утрам
И холостячий устье
Весенний флюс Днепра.
Таким дрянным городишкой
Очаков во плоти
Встает, как смерть, притихши
У шмидтовцев на пути.

Похоже, с лент матросских
Сошедши без следа,
Он стал землей в отместку
И местом для суда.
Две крепости, два погоста
Да горсточка халуп,

Свиной и галок вдосталь
И офицерский клуб.

Без преувеличенья
Ты слышишь в эту тишь,
Как хлопаются тени
С пригретых солнцем крыш.
И звякнет ли шпорами ротмистр,
Прослякотит ли солдат,
В следах их соли подмесь.
Вся отмель, точно в сельдях.

О, суши воздух ковкий,
Земли горячий фарш!
„Караул, в винтовки!
Партия, шагом марш!“
И, вбок косясь на приезжих,
Особым скоком сорок
Сторонится побережье
На их пути в острог.

О, воздух после трюма,
И высадки триумф!
Но в этот час угрюмый
Ничто нейдет на ум.
И горько, как на расстанках,
Качают головой
Заборы, арестанты,
И кони, и конвой.

Прошли, — и в двери с бранью
Костяшками бьет тишина.
Военного собранья
Фисташковая стена.
Из зал выносят мебель.
В них скоро ворвется гул.
Два писаря. Фельдфебель.
Казачий подъесаул.

6.

Над Очаковым пронес
Ветер тучу слез и хмари
И свалился на базаре
Наковальнею в навоз.

И, на всех остервенясь,
Дождик, первенец творенья,
Горсть за горстью, к горсти горсть,
Хлынул шумным увереньем
В снег и грязь, в снег и грязь,
На зиму остервенясь.

А немного погода,
С треском расшатавши крючья,
Шлепнулся и всею тучей
Водяной бурдюк дождя.

Этот странный талисман,
С неба сорванный истомой,

Весь — туманного письма,
Рухнул вниз не попустому.
Каждым всхлипом он прилип
К разрывным побегам лип
Накладным листом пистона.
Хлопнуть в плоть, пропороть,
Выстрел, цвет, тепло и плоть.

Но зима не верит в близость,
В даль и смерть верит снег,
И седое небо, низясь,
Сыпет пригоршнями известь.
Это зимний катехизис
Шепчут хлопья в полусне.

И, шипя, кружит крупа
По небу и мертвой глине,
Но мгновенный вздох теплыни
Одевает черепа.

Пусть тоща, как щепя,
Вязь цветочного шипа, —
Новолунью улыбаясь,
Как на шапке шелолая,
Сохнет краска голубая
На сырых концах серпа.

И, долбя и колупая
Льдины старого пласта,
Спит и ломом бьет по сини,

Рты колоколов разиня,
Размечтавшийся в уныньи
Звон великого поста.

Наблюдая тяжбу льда,
В этом звяканьи спросонья
Подоконниками тонет
Зал военного суда.

Все живое беззаконье,
Вся душевная бурда
Из зачатий и агоний
В снеге, слякоти и звоне
Перед ним, как на ладони,
Ныне так же, как тогда.

Чем же занято собрание?
Казнь звали в те года
Переправу к Березани
.

7.

Скамьи, шашки, выпушка охраны,
Обмороки, крики, схватки спазм.
Чтенье, чтенье, чтенье, несмотря на
Головокружение, несмотря
На пары нашатыря и пряный,
Пьяный запах слез и валерьяна,
Чтение без пеня тропаря,

Рама, и жандармы ветераны,
Шаровары и кушак царя,
И под люстрой зайчик восьмигранный.

Чтение, несмотря на то, что рано
Или поздно, сами, будет день,
Сядут там же за грехи тирана
В грязных клочьях поседелых пасм.
Будет так же ветрен день весенний,
Будет страшно стать живой мишенью,
Будут высшие соображенья
И капли вешней дребедень.
Будут схватки астмы. Будет чтение,
Чтение, чтение без конца и пауз.

Версты обвинительного акта.
Шапку в зубы, только не рыдать!
Недра шахт вдоль Нерчинского тракта.
Каторга, какая благодать!
Только что и думать о соблазне.
Шапку в зубы, — да минуй озноб!
Мысль о казни — топи непролазней:
С лавки съедешь, с головой увязнешь,
Двинешься, чтоб вырваться, и — хлоп.
Тормошат, повертывают навзничь,
Отливают, волокут, как сноп.

В перерывах — таска на гауптвахту
Плотной кучей в полузабытьи.

Ружья, лужи, вязкий шаг без такта,
Пики, гики, крики: осади!
Утки — крякать, курицы — кудахтать,
Свист нагаек, взбрызги колен.
Это небо, пахнущее как-то
Так, как будто день, как масло, спехтан!
Эти лица, и в толпе — свои!
Эти бабы плачущие в плахтах!
Пики, гики, крики: осади!

Час спустя опять назад с гауптвахты
Той же кучей в сорок три шеи
К папкам обвинительного акта
В смертный шелест сто второй статьи.

8.

Кому-то стало дурно.
Казалось, жуть минуты
Простерлась от Кинбурна
До хуторов и фольварков
За мысом Тарканхутом.
Послышалось сморканье
Жандармов и охранников,
И жилы вздулись жолвями
На лбах у караульных.
Забывши об уставе,
Конвойные отставили
Полуживые ружья

И терли кулаками
Трясущиеся скулы.

При виде этой вольности
Кто-то безотчетно
Полез уж за револьвером,
Но так и замер в позе
Предчувствия чего-то,
Похожего на бурю,
С рукой на кобуре.
Волнение предгрозя
Окуталось удушьем,
Давно уже идущим
Откуда-то от Ольвии.

И вот он поднялся.
Слепой порыв безмолвия
Стянул гусиной кожей
Тазы и пояса,
И, протащившись с дрожью,
Как зябкая оса,
По записям и папкам,
За пазухи и шапки
Заполз под волоса.

И точно шла работа
По сборке эшафота,
Стал слышен частый стук
Полутора ста штук

Расколебавших сумрак
Пустых сердечных сумок.
Все были предупреждены,
Но это превзошло расчеты.
„Тише!“ — крикнул кто-то,
Не вынесши тишины.

„Напрасно в годы хаоса
Искать конца благого.
Одним — карать и каяться,
Другим — кончать Голгофой.

Как вы, я — часть великого
Перемещенья сроков,
И я приму ваш приговор
Без гнева и упрека.

Наверно, вы не дрогнете,
Сметая человека.
Что ж, — мученики догмата,
Вы тоже — жертвы века.

Я тридцать лет вынашивал
Любовь к родному краю,
И снисхожденья вашего
Не жду и не теряю.

В те дни, — а вы их видели,
И помните, в какие, —
Я был из ряда выделен
Волной самой стихии.

Не встать со всею родиной
Мне было б тяжелее,
И о дороге пройденной
Теперь не сожалею.

Я знаю, что столб, у которого
Я стану, будет гранью
Двух разных эпох истории,
И радуюсь избранью“.

9.

Двум из осужденных, а всех их было четверо, —
Думалось еще — из четырех двоим.

Ветер гладил звезды горячо и жертвенно
Вечным чем-то, чем-то зиждущим своим.

Распростившись с ними, жизнь брела по дамбе,
Удаляясь к людям в спящий городок.
Неизвестность вздрагивала плавниками камбалы.
Тихо, миг за мигом рос ее приток.

Близился конец, и не спалось тюремщикам.
Быть в тот миг могло, примерно, два часа.
Зыбь переминалась, пожирая жемчуг.
Так, чем свет, в конюшнях дремлет хруст овса.

Остальных пьянила ширь весны и каторги.
Люки были настезь, и точно у миног,
Округлясь, дышали рты иллюминаторов.
Транспорт колыхался, как сонный осьминог.

Вдруг по тьме мурашками пробежал прожектор.
„Прут“ зевнул, втянув тысячеперстье лап.
Свет повел ноздрями, пробираясь к жертвам.
Заскрипели петли. Упал железный трап.

Это канонерка пристала к люку угольному.
Свет всадил с шипеньем внутрь свою иглу.
Клетку ослепило. Отпрянули испуганно.
Путаясь костями в цепях, забились в глубь.

Но затем, не в силах более крепиться,
Бросились к решетке, колясь о сноп лучей.
И крича: „Не мучьте! Кончайте, кровопийцы“!
Потянулись с дрожью в руки палачей.

Счет пошел на миги. Крик: „Прощай, товарищи!“
Породил содом. Прожектор побежал,
Окунаясь в вопли, по люкам, лбам и наручням,
И пропал, потушенный рыданьем каторжан.

III, 1926—III, 1927.

ОГЛАВЛЕНИЕ

В нашу прозу с ее безобразьем	Стр. 3
---	-----------

ДЕВЯТЬСОТ ПЯТЫЙ ГОД.

1. Отцы	9
2. Детство	15
3. Мужики и фабричные	22
4. Морской мятеж	27
5. Студенты	35
6. Москва в декабре	40

ЛЕЙТЕНАНТ ШМИДТ.

Часть первая.

1. Поля и даль	51
2. „Я вам писать осмеливаюсь“	52
3. Над морем бурный рубчик	53
4. Октябрь. Кольцо забастовок	56
5. Постойте! Куда вы?	57
6. Три градуса выше нуля	58
7. Вдруг кто-то закричал: пехота!	60
8. „Вообрази, чем отвратительней“	62
9. Окрестности и крепость	64

Часть вторая.

1. Вырываясь с моря	68
2. Дорожных сборов кавардак	70
3. Подросток реалист	71
4. В зимней призрачной красе	74
5. Вдруг, как снег на голову	76
6. Когда с остальными	77
7. Он тихо шел от пушки к пушке	78
8. Снова, на миг повернувшись	79
9. Был выпретен, как сердце	80
10. Внутри настала ночь	81

Часть третья.

1. „Все отшумело“	82
2. Слепопогромной областью	
3. Как памятен ей	85
4. Однако, как свежо	86
5. Уездная глушь захолустья	87
6. Над Очаковым пронес	89
7. Скамьи, шашки, выпушка охраны	91
8. Кому-то стало дурно	93
9. Двум из осужденных	96
